

ИННА ЩЕПТЕВА

Женечка

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Инна Щептева

Женечка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Щептева И. Э.

Женечка / И. Э. Щептева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник стихотворений о любви на разных стадиях ее проявления: от страсти, идеализации, восторгов до ненависти, опошления и вновь возвращающейся нежности. Любовь в развитии. Расставание в развитии: отрицание, гнев, депрессия, торги с собой, принятие расставания и обретение Настоящей любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Женечка	7
Принц и Роза	8
Одуванчики	9
Отпустить тебя	10
Мертвые и одиночество	11
Почему, природа?	13
Никогда	14
Самое сладостное	15
Скажи?	16
Ты же знаешь увереннее	17
Какими же словами прожечь твою душу?	18
Пожалуйста, не теряй меня	19
В моей лодке только двое	20
Обидели	21
Воспоминания	22
Персиковая	23
Нужно так мало	24
Незамеченная	25
Органы чувств	26
Пьета	28
Да быть такого не может!	29
Моя Вселенная	30
Мечта умирает...	32
Как прежде	33
Природа не любит точные копии	34
Никто тебя не отцелует	35
Нет	36
В другом мире	37
Лишние	38
Пусть лучше будет лишь пустота	39
Поскорей бы ты оттаяла	40
Я всегда буду за тебя...	42
Doo Uar, Doo Uar	43
Chapel	44
Секреты-слабости	45
Молитва	46
Лисенок	47
Больше теперь не приснюсь	48
Давай вечером с тобой встретимся?	49
Пуповина	50
Когда-нибудь...	51
Сокровище	52
Я поздравлю тебя с Новым Годом	53
В печали и радости	54
Призываю	55
Урывками	56

Ты так и не дошла мне обещанного зайца	57
Прихожая	58
Одна	59
В кармане	60
Стоит ли обижаться?	61
Тоска по тебе разрывает связи	62
Не дожидаться	63
В больнице	64
Похожая на тебя	65
Наши шансы	66
Не относись ко мне хорошо	67
Голос дороже маминого	68
Нам всегда было ясно	69
Чудо	70
Узурпация надежды	71
Тонкие линии	73
Прошлое	74
Береги силы	75
Не в моде	77
Мне нечего дать тебе	78
Хоть раз в неделю	79
Хроническая болезнь	80
Наизнанку	81
Если я умру	82
Ждать	83
Ангел-хранитель	85
Детское сердце	86
Одинокая	87
До конца	89
В минус	90
Колыбельная	91
Потихонечку	92
Мученик от любви	93
Верность	94
Чудо	95
Кому от этого лучше?	96
Заранее	97
Романтика	98
Неправда!	99
Минуты	100
Про любовь	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Инна Щептева

Женечка

Евгении Андриенко

Эта книга – напоминание о моей бесконечной любви к тебе

Женечка

Я пальчиком гладила полные вены
На руке по-августовски загорелой,
Прижималась губами стыдливо к ключице,
И молилась не оступиться...

Не дай Бог сорваться (словами Набокова)
Язычком шагать по плечам, идиотке,
Ошалело – по сгибам, и позвонками-
Переступами охмелеть.

Я ложилась щекой на нежное плечико,
Растворяясь в томной ночной беспечности,
Боже мой, Женечка, если б заметили,
Чтобы сказали мы?

Подразнили кино, купили обновки,
Продавщицу смутили смехом, чертовки!
И поужинав, живо смеясь с официантом,
Сели вечеру угождать.

Просидели на нашей Новокузнецкой
До открытия баров, и если честно,
Если бы не прием экзаменов,
Напоила б тебя вином!

И стояла Луна такая красивая,
"Меньше сарказма", – тебя попросила.
Отстраненно, но будто слегка по-детски
Обещала мне "сукой не быть".

И потом показала колено разодранное,
Я подула на ранку, и с нежным шепотом
"Все пройдет" завернула тебя в ладошки,
Обещая не отпускать.

Пробежали по площади кошки рыжие,
Ты, погладив меня, сказала "Бесстыжие
Эти обе, как ты, не смотри откровенно так,
Я итак все давно поняла".

А потом у вагона поцеловавшись,
Мы, уставшие, ночью наспех расстались,
И я думала, это коленка ведь
О любви мне сказала все.

Принц и Роза

Когда ты поражен одиночеством,
Не спасает уже словотворчество...
Ты смотришь мультик и чувствуешь:
Он про нас! Но ты ж так не думаешь...

Ты Маленький принц, а я твоя Роза,
Прирученная и оставленная в морозы.
Не нужны мне люди, они другие,
Не единственные, не родные.

Главное, что видит сердце, не взор наш,
И сердце мое лишь тебе улыбается.
И пусть все вокруг говорят другое,
Но сердце: «Она самое дорогое».

Вот была никем, а ты приручила —
Я стала твоей, а ты моим миром.
И что мне делать, если мир рушится?
Строить одной? – Да кому он нужен!

Так Роза ждала и умирала,
Молилась, верила, не замерзала,
Но холода в России суровые —
Умерла, не хватило здоровья.

А принц летал дальше, встретился с лисом —
И понял одну важную истину.
Но принцы бывают такие разные!
Понял – забыл ее сразу.

Принц жил дальше, похаживал в гости,
Бегал в делах, слушал новости.
И никогда не страдал по Розе,
Что где-то, ожидая, замерзла.

Одуванчики

Обнимаю тебя, словно маму,
Хватаюсь обеими руками —
Но нахожу лишь воздух.

В носик целую,
Как она меня баловала, родную,
Но просыпаюсь – неправда.

Держусь близко: велено,
А то потеряюсь – верно. —
Температура – привиделось.

Смотрю с тобой фильмы,
Как любишь, красивые,
Но я одна в квартире.

Держусь за твой пальчик,
В лицо – одуванчик,
Но сейчас зима, а не лето.

Ложусь спать, мечтающая
С тобой, обещавшей,
Что прощания для нас нет.

Отпустить тебя

Отпустить тебя —
Это подписать себе смертный приговор,
Не глядя,
В упор.

Отпустить тебя —
Это больше не писать никогда ни о ком,
Голову сбивая
О стол.

Отпустить тебя —
Это больше не продохнуть,
Это не путь,
Это конец пути, – пусть.

Отпустить тебя —
Значит себя похоронить,
И одной
Болью выть.

Мертвые и одиночество

Вычеркнув меня из списка живых,
Ты, в сущности, ничего и не изменила.
Если до тебя было жить невозможно,
То после – невыносимо.

Ты победила, если желала,
Но вряд ли у тебя вообще был план
По истреблению из своей жизни
Меня, любительницу мелодрам,

Мармеладных объятий, сладких улыбок,
Вечного желания к тебе прильнуться,
Взяв за руку, лечь на плечо драгоценное, —
И неба коснуться.

Случается ли у тебя чувство вины,
Что я на обочине жизни, в реве?
Или ты самозабвенно живешь в работе,
Не чувствуя запаха крови?

А впрочем, не важно: давно все простила.
Я слишком люблю, ключевое тут – слишком.
Давно бы бросить писать тебе,
О тебе, для тебя. – Не те нервишки.

Просит сердце, тобой расковырянное:
«Пожалуйста, не умирай, пиши».
И слезы просят писать каждый вечер
На помин усопшей (впрочем, давно) души.

Единственно, кто ее оживила,
Сейчас уже вспоминает редко:
У нее жизнь легкая, без привязок —
Вот она бережет нервные клетки.

А когда-то тебе были очень важны
Мои настроения, пульс, дрожь в голосе.
Как быстро люди проходят сквозь. —
Я завидую мертвой холодности.

Почему моя смерть совсем иная?
Мне или больно, или все равнодушно?
А у тебя, черт, такая воздушная,
И жить тебе вовсе не душно?

Когда-нибудь, может, мы прекратимся:

Мое воображение и память потухнет
Болезнью шизофренически прогрессирующей. —
И нас в мире больше не будет.

Ты будешь одна, с каким-то вновь встреченным,
А я не повторюсь десятой раз строчкой.
И убьет меня любовно, спокойно,
Единственно верное мне одиночество.

Почему, природа?

Почему природа не предусмотрела,
Чтоб у меня был ребенок от любимой женщины?
Почему ей взялось да и захотелось,
Чтоб мужчина участвовал в деторождении?

Я хочу, чтоб маленькая моя Женечка
Бегала по квартире, кричала: «Мама!»
Разве я этого не заслужила
Любовью своей покаянной?

В этом мире взяли да порешили:
Женщина рождает лишь от мужчины.
А мне, от той, что мне выше звезд,
Значит нельзя, «суке ревнивой»?

Да не лесбиянка я, не хочу баб,
Я люблю единственную, неземную,
И кто же вправе меня проклинать,
Что я дочку хочу такую же?

«Мама, мама, когда придет Женя?»
«Скоро, мой масик, с работы вернется».
И нас ручонками сладко-пончиковыми
Обернула б: «Игратья хочется».

Никогда

Я за тебя вечно дралась,
Своими когтями рвала пространство,
А теперь, ненужная, и ты в лицо
Мне стреляешь с бессердечным лихим постоянством.

Как из двухстволки, – прямо в глаза
Строчишь неответами равнодушия,
Не отвечая на сообщения,
Полудохлую тварь, меня душишь.

Да добьешь, не волнуйся, осталось недолго.
Когти мои давно стерты в кровь,
И моя завидное для меня постоянство
Истончается – кровоточить тебе про любовь.

Она есть, она плачет, течет стихами,
Рвотой захлебываясь от истерик,
Но вновь двухстволка на перезарядке,
Пока с книжкой тебя жду в постели.

Расстались – и ладно. Найдутся люди,
Гораздо лучше нас, интереснее.
Только мне не нужны, как тебе, другие,
И, боюсь, мир вовсе не тесен.

Значит, прощаться – решила за нас,
И не будет другого решения.
Значит, мечте на полях умирать
И не ждать никогда воскрешения.

Самое сладостное

В ссоры мы не играем:
Мы не подростки-переростки.
А если вдруг что-то случается,
Сильнее друг к другу жмемся.

Вернее, жмусь я сильнее:
Вдруг что-то себе надумаешь,
И, надувая красные щеки,
Возьмешь да меня отпустишь...

Без вниманья на боль и ошибки:
Не сгущаем – все преходяще.
Главное, из обид возвращаться
Не прошлыми, а настоящими.

Ссоры, как показатель любви для меня:
Обижайся – я буду оправдываться.
Это же самое сладостное —
Влюбляться в тебя при любых обстоятельствах.

Скажи?

Во мне снова нет стихов к тебе:
Во мне уборка и коммунальные платежи.
А как ты справляешься без меня от рутины,
Скажи?

Тебя греют фильмы серебряных ноток,
Книжки той же эпохи, да?
У тебя жизнь давно на гладких полочках,
Или же я не права?

Да права, все давно на полочках, в строчку
Мысли, чувства, мечта-не мечта, похороненная.
Ты другим – лишь тварь потускневшая, одинокая,
А для меня стала первородной...

Хорошо, что нет меня в твоём мире:
Можно просто пыль протирать под дождь,
Хорошо считать, что я появилась
У тебя совсем не в серьёз...

Ты же знаешь увереннее

Ты же знаешь увереннее,
Что лучше для меня, что – для себя.
Я никто уже в твоей жизни?
Я, верно, права?

Ты не берешь трубку,
Даже когда душа – в хлам,
Не отвечаешь на сообщения,
С крыши и с бритвой в руках.

Я никто, я фантик,
Я пакет, вылетевший в окно. —
Кричать тебе бесполезно:
Тебе давно все равно.

А меня заверяют ангелы,
Что не должно тебя оставлять.
Может быть, это злое проклятие,
А не Бог зовет к тебе пасть?

Конечно, надо на равных,
Конечно, ты здесь права.
Тем более кому править
В стране, где лишь детвора?

Ты юна, и ты так беззаботна
В окружении вечных проблем.
Я не знаю, как достучаться
До твоих мне вечных измен...

Я рядом, я рядом, я слушаю,
Но ты – ничего, только воздух.
Наверное, мне придется
Превратиться в промозглую

Зиму, простужено-грязную,
И напоминать каждой лужицей,
Каждым горлом простуженным,
Что печалям твоим я прислужница.

Взрослых не существует,
Взрослые – тоже дети.
Поэтому, чтоб ни случилось,
А я за тебя в ответе.

Какими же словами прожечь твою душу?

Какими же словами прожечь твою душу?
Какими стихами напомнить о нас?
Мы ж, покаянные, все-таки были
У друг друга и выше, чем к небу – глаза.

Проще, все проще, мы просто были,
Умильно прильнувшие к мирозданию.
Почему же ты так легко разлюбила
Тишины двоих чудесное таинство?

Какими же подарками завоевать твоё сердце
(Может, которого для меня нет)?
Я отдам все самое драгоценное,
Чтоб хоть на одно письмо получить ответ...

Какими же поступками завоевать твоё внимание
(Не уверена, что ты хочешь серенад под окном)?
Я могу с цветами в воздушном шаре
Подняться к тебе, если хочешь, – назло?

Я лечусь, я стараюсь, от любовной зависимости,
Чтобы больше тебе отраженьем – не больно,
Я уже практически выздоравливаю
От того, чтобы быть твоей подневольно.

Услышь же меня и останься рядом.
Я ребенок, я воин, я сильнее всех,
Но только с тобою иду я, не глядя
И не страшась боли, на плаху побед.

Я не знаю, что делать. Я исписалась.
Люблю, люблю, люблю до конца.
Боже мой, если тебя не останется,
То не останется и меня.

Пожалуйста, не теряй меня

Зачем же ты меня теряешь?
Я тебя очень люблю.
Ведь ничего не меняется,
Если я рядом и жду,

Когда я понадоблюсь снова.
Мои прикосновения, взгляд —
Когда опять будешь готова
Мне их насквозь разрешать.

Ты ж ничего не теряешь,
Если прочтешь о себе,
И мне нарочито ответишь:
«Испортились». Но вполне

Этого будет достаточно,
Чтоб хоть нитью одной держать связь.
А то мы что пленники разных Земель,
И нас уже не завязать.

Не теряй меня. В мире столько
Лиц прохожих, лиц одиноких.
И зачем же сливаться с толпой —
Тебе, душевной копией

Одиночества, сил перебарывать,
Даже когда уже умер.
Пожалуйста, не теряй меня —
Это глупейший поступок

Среди миллиардов непонимания,
Пошлости, глупости, обстоятельств,
Старости, смерти, болезни, депрессии,
Губительной чувств отсталости.

Не теряй меня, не теряй меня.
Я теперь буду немногословна.
У меня после тебя – немота. —
И я буду очень удобной.

В моей лодке только двое

В моей лодке только двое:
Я и мои убеждения.
И если тебе не нравится это,
Твое право, мне ж недоступно сомнение.

Возраст уже не тот,
Середина жизни, что омут.
Тебя я к себе не звал,
Мне не до слез твоих, кровью

Я доказал все себе,
Не впускаю чужих в свои воды.
Тем более из таких,
Которая из других пьет соки.

Омут моих убеждений
Позволяет мне жить свободно.
Мне хватило – ну перестань плакать,
С меня подобных тебе – довольно.

Обидели

Я счастлива, что у меня есть ты!
И если меня обидели – то к тебе!
Можно по-детски прижаться
Или со всех ног расплакаться,

Попросить по головке погладить,
Нежно в лобик поцеловать. —
Какое же божье чудо
Прикосновений твоих благодать!

И вот мне уже не хочется злиться
На себя, слабовольно обиженную.
И слезы поцелуями мои осушаемые...
(Может, и пусть обижают).

Я тебя очень сильно люблю,
Спасибо, что ты бережешь мою детскость.
Другой бы бросил меня в мешок
Неуместной больно́й бесполезности.

Воспоминания

Со временем платье изнашивается,
И ты либо ходишь в нем дома, либо выбрасываешь.
Так и с воспоминаниями:
Ты либо кутаешься в них, либо от них избавляешься.

Я от тебя избавляюсь.
Прости, но лимит геройства завоевывать тебя исчерпан.
Я тебя очень люблю.
Но у меня не осталось нервов.

Я избавляюсь от всего:
От поцелуев, слов, духов, колечек.
Прости, что тратилась, бывало, на меня,
Но сумка желтая твоя меня калечит.

Меня калечит все, где ты:
Все уголки, все кинотеатры,
Мосты, дороги, магазины —
Везде и все, что было нами.

Угрюмость лиц людей в кафе
(Мы ненавидели их блеклость).
Везде ты. – По рукам я связана,
И мне не обрести ту легкость,

С которой ты людей теряешь,
Или сдаешь в утиль – не знаю.
Здесь все тебя напоминает,
Здесь жить – за гранью.

Я все выкидываю, все.
Ни времени нет, ни надежды.
Оно ведь, правда, не резиновое,
А ты все где-то там по-прежнему.

Персиковая

Персиковая моя девочка.
Моя тайна. Мое обожание.
Ты навсегда убежала?
Мне теперь вечно слышать молчание?

Малиновые губки твои
Не скучают по моим, из вишни?
Я ничего не слышу:
Только известно Всевышнему.

Руки твои не устали
Не находить рук преданных?
Я у тебя верная:
Либо ты, либо одиночеству вверена.

Гладит тебя по головке?
В оголенную шейку прицеливается —
Поцеловать не удерживается?
И дрожит, если за руку держится?

Цветы и ненавистные мишки,
Шлет тебе любовные письма
(Которые от меня лишние)?
А от другого, может, желаннее жизни?

Нежная моя и воздушная,
Надеюсь, ты там не трусишь?
По жизни идешь без грусти,
С упорством, но прежней чувственностью?

Нужно так мало

Иногда ты пенсионерка,
Иногда играешь в кокетку.
Ты уж давай разберись,
Может, ты вообще малолетка?

Что тебе от меня надо?
В очередной раз промолчать?
Сказать, как любишь мужчин,
А на меня тебе наплевать?

И что я не взрослая для тебя
(Кто б говорил о мудрости!?),
Бросить мне пару дежурных фраз,
Отрицая свою трусость?

Да, мы случились, для меня это чудо!
Ты ж в скорлупу спряталась,
И, не отвечая на сообщения,
Как страус, мне не показываешься.

Не были мы ошибкой!
Трусишка, ничего ты не натворила!
Ты – единственная моя радость,
Ты – божья милость!

Боже, какая глупость!
Все, что нам нужно – так мало!
Сесть вместе рядом
И помолчать, взявшись за руки.

Незамеченная

Выжимай из меня последние соки:
Мне это очень нравится.
Как ты ведешь тонкой бровью,
Делая вид непонятой,

Почему я на взводе.
Пальцы нервно стучат в такт пульсу,
И изображаешь искусно:
Тебя не касается – почему так.

Подумаешь, полгода мне не отвечала.
«Что изменилось, что год не виделась?»
Действительно, та же бровь
На прежние темы: любовь,

Кровь, суицид, единственная... —
Для тебя все давно пустое.
Так зачем опять, сидя вместе,
Говорить, как общение дорого.

Что для тебя дорогого?
Что мы ни черта не близкие?
И тянем любовь, как ириску,
Увеличивая боли риски?

Мне от тебя нужна ты.
Что тебе – не знаешь сама.
Лучше бы опять на "Вы",
Бездушная красота.

Но тебя потянуло на прошлое —
И мне снова очень тревожно,
К чему приведет эта встреча,
Где лишь ты, вновь со мной незамеченной.

Органы чувств

После тебя вкус любой женщины мерзок,
Вкус губ и вкус тела,
Шампуня, духов, помады,
Вкус жизни и смерти, вкус взглядов.

Дешево себя продающие,
Ничего не ждущие,
Барышни-крестьянки
И под итальянок.

После тебя звук гнусав и сер
И невозможно глупы речи.
Они вдалбливается в жизнь мою,
Словно молотом по наковальне. – Жду.

Выживаю,
Конечно, о тебе мечтая,
Каждый день как-то тая
Моими воспоминаниями.

После тебя мир нечеток, рассеян,
Одно сплошное мутное стекло.
И какие-то новые лица —
И их всех еще надо вынести.

В воспоминания прячусь глубже:
Мне там лучше,
Там не душно,
Там еще меня слушаешь.

После тебя запахи – ужас – резкие,
Дешевые, потные, гадкие.
Днями Chanel твой вдыхая —
Я еще есть, чуть живая.

Хорошо, подарки остались —
Я могу забавляться,
С ними то мне не расстаться,
И каждый день радоваться.

После тебя все руки шершавые,
Неухоженные, такие чужие. —
Ни к кому не хочется прикасаться,
Даже пытаться.

Лучше бы нам остаться,

Лучше бы нам не каяться,
Но не думаю, что возможно
Навсегда не прощаться...

Пьета

Давай заснем глубоким сном –
И не расстанемся навеки, ни потом...
И будем сниться лишь друг другу:
Без недругов, друзей, недугов,

Без ссор, сомнений, заверений,
Вдвоем обнявшись – вен сплетенье.
И никого не будем помнить,
И не узнаем лиц, что внове.

Забудем и себя навеки:
О чем мечтали, что хотели,
Но совершить мы не сумели,
Растаяв в тишину лилейную.

Сольемся с молчаливым эхом,
Пусть ищут нас – но не заметят.
Как статуя Пьеты, столетий старше,
В паучьей клетке спрятавшиеся.

Мы спим с тобою: сон беспечен.
Мы покалеченные, бесконечны.
Никто не потревожит более:
Заснули навсегда в свободе

Присяги двух сердец друг к другу,
Мы, преданные чувству глупому,
Но глубину его постигшие, —
Наш сон осмысленнее жизни.

Да быть такого не может!

Вернулась! И больше не убежишь?
Или ты скверная девчонка, неверная,
Снова свинтишь?

Вернулась? А как же твои ухажеры
Постоянные упертые, топорные?
Со мной ведь ты не в мажоре...

У нас с тобой постоянные ссоры,
Вопли, порывы, срывы —
Теперь ты готова на разговоры?

Да брюзжу, я рада – вернулась!
Вовремя, сильно, красиво...
Но вновь я в тебя не влюблюсь...

Да потому что люблю до сих пор!
Смешно, а ты думала что, зеро?
Тогда возвращалась на что?

Я ждала тебя: красила парус
В твой любимый цвет, колко-желтый,
Молясь, не навсегда, чтоб расстались. —

И сбылось! «Мечты материальны».
Ты рядом, печальна сакралью.
А я счастливее всех реальных,

И нереальных счастливее тоже:
Рядом мечта – немота...
Да быть такого не может!

Моя Вселенная

Ты оставила меня,
Сказав: «Мне больно, что тебе больно».
То есть, другими словами, бросила
Один на один с болью.

Но, зная людей, я простила,
Как измену, истерики, неответы.
И продолжаю писать тебе
Разве что не сонеты?

У нас разница в двадцать лет,
Причем, кажется, со знаком минус,
Но будь же чуточку помудрее,
Не впадай ты в свой климакс.

Нельзя расставаться теми,
Кто похожи, как в бою павшие,
Нельзя расставаться с тем,
Кто за тебя жизнь... отдам же!

Хватит играть в эгоистку,
У тебя для этого слишком глаза грустные.
Да и мне крайне необходимо
Попробовать твой борщ вкусный.

Я тебя ничем не обидела,
Я тебе не изменила ни разу,
А ты взяла нас и вычеркнула,
Для чего – так сразу?

Да, не сахар я, и не вата.
Но и ты тоже сталь каленая,
И что нам теперь из-за этого
Ходить по Земле разведенными?

Еще столько стихов не написано,
Еще столько вина не выпито.
Ладно, давай не дури,
Позвони и пойдем хоть выйдем.

Прогуляемся, кофе попьем,
Послушаю опять твои «я не жалеюсь»,
Я по ним очень скучаю,
Как и по рассказам твоим не кающимся.

По улыбке твоей скучаю,

По молчанию скучаю очень,
И чтоб за руку тебя взять,
Удивить любопытных прохожих.

Тишина твоя неоправданна.
Я тебе ничего не сделала.
Я по-прежнему сильно люблю тебя,
Приплетаясь «люблю» к каждой теме.

Ты – большая моя Вселенная,
Мириады звезд в тебе не разгаданы!
Тебе срочно нужен помощник
Разобраться, почему «все так странно»...

Не «легка» жизнь, моя ты волшебница,
И не «ко всему ты в жизни готова».
Но чтоб не случилось с нами,
Я жду тебя снова и снова...

Мечта умирает...

Ужасно хочется тебе писать,
Хочется с тобою одной говорить,
Но мне абсолютно нечего сказать,
А тебе веселее, должно быть, там пить.

Как написать тебе ни о чем?
Непогода, холодный кофе, один.
Ни с кем не общаюсь, кроме тебя,
То есть молчу беспрерывно.

Сигареты выкурены, посуда помыта,
Машинка крутится – создает фон.
Я смотрю просто прямо, взгляд мой мутен,
И никогда не звонит телефон.

Прохладно в комнате: окно открыто,
Белье поменяла, поела рис,
Что-то читаю, что друзьям обещала,
Ожидая сон, но ты мне не снишься...

Ужасно хочется говорить с тобою,
Но лишь те же слова и обыденность будней.
Меня номинировала на «Поэт года»,
Но тебе слушать это, наверное, нудно.

Хочется просто сказать: я все помню,
Я есть, я твоя, влюблена и скучаю.
И мне очень больно: молчание холодно,
Ты прости – ни о чем я. Мечта умирает...

Как прежде

Любимая, как я тобой восхищаюсь!
Когда же ты все успеваешь!?
Работать на трех работах?
Заботиться о посторонних?

Принимать звонки от своих пациентов
До времени позднее вечернего?
И при этом выглядеть бодро,
Молодо, и завидно здорово?

Какая же ты умница! Ты поражаешь!
Ты пример силы для подражания,
Ты образец красоты для модели —
Ты идеальное Божье творенье!

Единственный недостаток —
Мой любимый ужасный характер.
До чего же ты вредной бываешь —
Просто меня убиваешь,

Без ножа меня режешь.
Не осталось неужели для меня местечка?
Ты занятая, волчок бесконечный,
Но раньше же мы были вечными...

Я буду тихонечко тебя радовать:
Стихами, подарками баловать,
Слушать о накипевшем,
И брошу курить, если станем, как прежде.

Или чуточку лучше:
Без драм, души мучающие,
Без истерик ревностно-пьяных,
Без сарказма и слабости ранить.

Природа не любит точные копии

Что мне твой возраст?
Что мне твой пол?
Я люблю тебя.
Остальное – потом.

Не драться же нам,
Что ты меня старше,
И я чуть глупее,
Наверное, скажешь.

Истории случаются самые разные,
И много любви, и много боли...
Просто пора найти в себе силы –
И раскрыться дать своей воли!

Ну давай! Нам с тобой не повторится более:
Природа не любит точные копии.
Приходи и люби, как я тебя – силой,
Заботой, невинно, красиво, безропотно.

Пусть первый раз у нас и не вышел –
Мы в реку войдет, ножки омоем.
И станем ближе, лучше, добрее —
Все другое, когда мы вдвоем.

Другие цвета и настроения,
Ласковые, нежные заблуждения,
И даже чашка в руке, как волшебная,
Когда ты рядом, чудесам верная.

Никто тебя не отцелует

Иди я тебя поцелую!
Ты плохо чувствуешь себя, мой зайчонок —
Отпаивать, отцеловывать буду,
Простуженный, сопливый ребенок. —

Сейчас! Одиночество мое будет вечным.
Уснуть, и все – не проснуться. —
Видно, грешила прочее многих,
Нет, девочка моя, не получится.

Умереть от разрыва сердца,
Аорты, души, остановки дыхания. —
Никогда не придет к тебе счастье:
Не заслужила ты оправдания.

Так что валяйся дальше,
Температуру и терпи ломку костную.
Никто тебя не отцелует:
Ты задала ей слишком много вопросов...

Нет

Я такая сейчас пустая и такая безжизненная,
Но мне так хочется с тобой говорить...
Но что мне сказать?
Что люблю, жду, переживаю – опять?

Ты итак это знаешь,
И не к чему мне себя от тебя скрывать. —
Ничего совсем не меняется:
Я люблю, ты нет. – И нам давно нечего обсуждать.

Перышко красиво,
Что ложится на твою подушку.
И это воздушное приземление –
Суть мои к тебе чувства.

Ты так давно мне не отвечаешь,
Что кажется – уже тебя на земле нет.
Видимо, поэтому я безжизненна,
Пуста и хочу умереть.

В другом мире

Я словно детеныш,
Который без тебя пытается встать на ножки...

Неужели ты совсем ко мне ничего не чувствуешь?
Не помнишь, и мне не сочувствуешь?

Хочу, чтобы ты скучала по моим объятиям:
Просто не могла без них жить! Нежно-сладких.

Существует неразрывная связь между матерью и ребенком,
Такую я ощущаю с тобой. – Неуместно, неловко.

Жили бы мы в другом мире, я бы только и делала, что тебя зацеловывала!
Поцелуями щекотала, как гномик, а ты б носилась от моей любви...

День, как изматывающая тренировка, – до ночи ели приходишь,
И ждешь, когда же обнимешь подушку, как бы тебя, лаской схожую.

Хочу, как маленькую, тебя расспрашивать: "Что ты там кушала?
Не болит ли животик? Принимаешь ли свои ферменты нужные?"

И когда сильно устаешь, не плачешь ли там одна?"
Я бы тоже заплакала, если узнала, и, верно, от слез твоих умерла.

Лишние

Мы не ломаем друг друга:
Мы неземные, мы тайно лелеем.
И не испытываем друг друга на гордость.
Мы любим, даже когда не жалеем.

Со временем отдаляясь все дальше,
Я приближаюсь силой любви все ближе.
И, как чернокнижник,
Шлю зов Вселенной – слышишь?

Не нам жить по правилам жизни и смерти,
Подчиняться причинно-следственным,
Наши параллельные пересекаются,
Но почему-то лишь моими средствами...

Хватит молчать о главном,
Пока я трублю в горн по памяти.
Если мы потеряем друг друга,
То миру с нами не сладить:

Не взойдет утром солнце, звездами
Не покроется небо вечернее,
Пазл мира ветром разрушится,
Если мы не соединимся сплетениями.

Мы любим, даже когда ненавидим,
Когда месяцами себя не слышим.
Мы у друг друга – навечно,
Поодиночке живя лишними.

Пусть лучше будет лишь пустота

Я тебя за эти слезы никогда не прошу.
Хоть и сильно люблю
И очень сильно хочу,
Чтоб руки твои отерли мои распухшие веки.

Невозможно за глыбы боли простить.
Боже, дай мне сил ее не любить!
Ведь реку переходить
Вновь мне придется одной.

Мне так невыносимо без нее жить
И дни надо как-то уметь выносить,
Но Боже, боль эту победить
Мне уже представляется невозможным.

Пошли, умоляю, навеки забвение
Любви, роз нежнее, нашего времени —
Ужасную, незаслуженную привилегию
Эту, прошу, даруй.

Не прошу богатства и любви новой,
И не пекусь о своем здоровье,
Но умоляю последней кровью:
Позволь мне ее забыть.

Пусть лучше будет лишь пустота –
Выживание с чистого – к черту – листа.
Безысходность, отчаянье, немота –
Верно, с ними жить вновь станет легче...

Поскорей бы ты оттаяла

Поскорей бы ты оттаяла...
И тебя, теплую, до самозабвения обнимать.
Я влюбляюсь в тебя каждый день,
С каждым годом все сильнее и сильнее.

Ты моя несносная искательница любви,
Которую я больше всех люблю на свете,
Заверенная сердцем, что никогда меня не потеряешь,
Потому и выпендриваешься, знаешь ли.

Ну что ты играешь в молчанку?
Маскообразную, глухонемую куклу?
Ненавидишь меня за то, что люблю,
Что привязана, боготворю?..

Неужели ты не хочешь в постельку плюшевую,
Чтоб я звездочки поцелуями в волосах твоих оставляла?
А потом, накормив тебя вкусным ужином,
Нежно тебя обнимала?

Прикасаясь губами к плечу,
Успокаивала бы тебя, тревожную?
Твои пальчики зажимая в своих,
Прятала ото всех настороженных?

Вот представь, ты после работы,
Я тоже, но прибежала пораньше.
Кино про любовь скачала,
Ужинаем – в нежности растворяемся.

Никаких ссор, обсуждения сплетен,
Вместо – ванная с морской солью.
И, в пижаме к груди прижимаясь,
Ты забываешь о любой боли.

Утром в нос тебя щекотно целую,
Как ребенку собираю покушать...
Ты одна там все ищешь похожих,
А я жду, твоя, и готова слушать.

Вечно ты недовольна!
Трусиха, от меня отстраняющаяся,
Но заверенная душой, что я рядом,
Знаешь, хитрюга, не доиграешься.

А вдруг у меня сил не хватит!?

Я начну жизнь тянуть заурядную,
Потеряю надежду всякую,
И просто иссякну?

Не хочу я сдаваться больше,
И мечту о нас опять гробить,
Считать что мы невозможны,
Когда так легко набрать номер...

Но молчит телефон – упрямая!
Делай вид, что не знаешь эмоций.
Мудрецы как-то миру сказали —
Им поверю: вода камень точит...

Я всегда буду за тебя...

Про тебя в группе сказали,
Что ты старая грымза.
Я взвыла, расสวิрепела,
И оскорбила в ответ трижды.

Я всех на место поставила,
По стенке повидлом размазав.
И кретинов возненавидев,
По-братски втоптала в грязь.

Я поняла, урою, растопчу за тебя – всмятку!
А не эти твои кокетливые
«Девчонка, ты мой человек,
Перегрызу за тебя глотку всем». —

Смех! Вот где сегодня была настоящая битва:
За неподобающие слова о тебе – всех по полу.
Ненавижу, когда люди, пытаясь жить без другого,
Унижают его словом.
(И советы дают подобные).

Скотины! Я люблю тебя —
И не собираюсь очернять себя
Присоединением к убогим оскорблениям.
Люди эти – труха, ты же – одна!
(Когда умнеешь, кажется, мир умнеет вместе с тобою —
Очередное мое заблуждение).

А я за тебя и правда «глотку перегрызу»,
Хоть ты будешь опять отрицать, что мы были.
Но мы были. Безумны, красивы,
И попросту неотвратимы.

Отрицай, сколько хочешь.
Я сильнее и злее прочих.
Сердце знает, ты была моей,
И бьет без разбора всех – в точку,

Тебя оскорбляющих,
Плохо о тебе думающих.
Я тебя никому никогда в обиду не дам,
И надеюсь, ты это чувствуешь.

Doo Uar, Doo Uar

Во мне сегодня нет стихов к тебе,
Во мне Gabin, трек «Doo Uar, Doo Uar...» —
Особо мне нечего тебе сказать.

Я купила костюм из пайеток:
Я похожа в нем на диско-малолетку.
И настроение вполне приемлемое,

Чтобы не мечтать о тебе сегодня,
Не любоваться твоей фотографией. —
У меня маленькое отступление, капитуляция.

День без тебя не очень уж плох:
Покупки для дня рождения – шмотки,
Вино, шампанское, конфеты для девчонок.

Придумываю игры, в которые мы будем играть,
Улыбаясь, что мой аналитик назвал тебя «обычной бабищей»
(Как бы оно так не вышло...).

А в принципе, жизнь без тебя возможна.
Это же ты лишилась меня, оставив себе лишь сплетниц,
Своих великовозрастных подружек, нелепо кокетливых.

В отличие от тебя, кокетство не их конек.
Так что твой мир остался без меня – прежним,
У меня ж – вспоминая, любовь к тебе вечная,

Значит, мне повезло больше.
И пайетки мне к лицу, кстати.
Жаль, не увидишь и не попробуешь еду на праздник.

Chanel

Памяти о тебе сладкий ванильный вкус
Я запиваю кофе и закурываю сигареткой,
Воспоминания о мармеладе розовых губ
Заедаю апельсиновой долькой кокетливо.

Покупаю аромат твой волшебный Chanel —
И вдыхаю всей грудью тебя, неземную.
Шоколад воздушный плава во рту,
Представляю – тебя целую.

К атласной подушке щекой прижимаясь,
Любимую чувствую шелковистую кожу,
Когда запах вина твоего ощущаю,
Мечтаю о ласкающей меня полулежа.

О боже! Обнять бы душу твою, как раньше,
Мех шубы, волос медь глядя губами,
И на плечо лечь, тихо забыв,
Что нас не было и до расставания.

Секреты-слабости

Никогда не буду использовать
Твои секреты-слабости против тебя:
Не подонок, не трус – не тревожся.
Полюбила же – значит, права.

Вопреки тому, что ты из тех людей,
Расставания с которыми выбивают на годы,
Я все равно тебя нежно люблю,
И главный секрет сохраню – не угрблю.

Немного всевластно как-то звучит,
Но я помята тобой, так что дно – мое.
Секреты у каждого есть свои,
Ты тоже лишнего не вспоминай, хорошо?

Я постараюсь грести, хоть одной рукою,
И молится, желая тебе только лучшего.
В конце концов, наша привязанность —
Одиночества клинический случай

Для тебя, и все. Я же пью больше воды,
Лечусь таблетками, терапией от наших свиданий.
Только вот, пожалуйста, не надо жалости:
Любя, я всему нашла оправдание.

Молитва

Я тебя за эти слезы никогда не прошу.
Хоть и сильно люблю
И очень сильно хочу,
Чтоб руки твои отерли мои распухшие веки.

Невозможно за глыбы боли простить.
Боже, дай мне сил ее не любить!
Ведь реку переходить
Вновь мне придется одной.

Мне так невыносимо без нее жить
И дни надо как-то уметь выносить,
Но Боже, боль эту победить
Мне уже представляется невозможным.

Пошли, умоляю, навеки забвение
Любви, роз нежнее, нашего времени —
Ужасную, незаслуженную привилегию
Эту, прошу, даруй.

Не прошу богатства и любви новой,
И не пекусь о своем здоровье,
Но умоляю последней кровью:
Позволь мне ее забыть.

Пусть лучше будет лишь пустота –
Выживание с чистого – к черту – листа.
Безысходность, отчаянье, немота –
Верно, с ними жить вновь станет легче...

Лисенок

Как хотела бы я затискать своего маленького лисенка!
Чесала бы ему бочки, трепала за ушком,
Он у меня такой непослушный...
Но, увы, дело ушлое...

Совсем лисенок от рук отбился:
Взял да влюбился!
От меня открестился —
И ласки боится.

А я б прямо так его обняла,
Что все косточки затрещали бы!
Ушки намяла бы
И брюшко защекотала,

Причесывала бы его медные кудри,
Целовала постоянно бы в носик,
Но вот в чем вопрос —
Лис любовь мою перерос.

Решил, что взрослый лисенок,
И я ему больше не нужен,
Ей подавай суженого —
Меняет ласки мои на чуждые.

Ах, милый лисенок,
Какой же ты непоседливый!
То я нужен был твоему сердцу,
То вдруг взял и закрыл все дверцы.

Ну беги, беги, мой любимый,
Маленький, красивый звереныш.
Все вынесешь. Ты хороший,
Просто не знаешь, что хочешь...

Больше теперь не приснюсь

Я в тебя верю,
И все вынесу, если ты согласишься в меня,
Но тебе постоянно хочется думать,
Что ты в этом мире одна.

Ну все, все, хватит обо мне, как всегда...
Я отпускаю тебя
(Замотанные эти слова).
Я теперь все поняла.

Нельзя тягостно перемалывать,
Напоминать о себе звонками,
Письмами, поздравлениями –
Никаких позывных, обещаю.

Но все же чуточку знай,
Что я всегда у тебя есть.
Всегда жду погладить, утешить
(И буду молчать, когда ты спишь или ешь).

Хотя я люблю Абсолют в тебе
И к тебе кометой стремлюсь,
Мне нечего больше терять, признаю.
И больше теперь не приснюсь.

Давай вечером с тобой встретимся?

Когда клетка грудная разодрана в клочья,
Делай, что хочешь,
Живи, как знаешь,
А тебе все никак не хочется – маешься.

Пожрала, помыла, заправив машинку,
Вылепила из себя что-то красивое.
Купила новое платье, покрасила волосы. —
Не для себя. – Ну серьезно?

Где ты надеешься ее встретить?
В какой подворотне? В каком столетии?
И что ты при встрече сказать ей сможешь?
«Была да и осталась убожеством.

Давай вечером с тобой встретимся?
Опиумом по квартире развеемся?
Повспоминаем наш декаданс:
Стихотворений любовных танцы?»

Убей другого, ее, себя —
Ты не изменишь уже ни черта.
Грудная клетка уже разорвана,
Мечтой защита Лужина на клетки раздолбана.

И еще похудей, на всякий случай:
Вдруг, что в воображении у вас получится,
В конце концов, наплевав на реальность,
С которой у мысли нет связи.

Пуповина

Если ты выйдешь замуж,
Переедешь в другой город, умрешь. —
Я точно не выдержу:
Я себя больше не вынесу.

Как это без тебя?
Вечная мерзлота? Темнота? Пурга?
Я накрою себя одеялом
И просто от слез растаю.

Разложится ткань сердечная,
Нервная карта памяти,
И, обезвоженная,
Оставлю без тебя – мир безбожный.

Но нет... сегодня какой-то врач
Мне сказал, ты давно меня бросила,
Малодушно отгородившись от боли,
Бесчеловечно, бескровно.

Связь, как пуповина между ребенком
И матерью, нежно заботящейся.
Просто надо уметь выдерживать:
Матерям бывает отказаться несложно...

Значит, уже тебя нет!? —
Пузырек пуст, и запах выветрился...
Мне так мало было отпущено:
Нить была болезненно рвущейся.

Когда-нибудь...

Когда-нибудь я выйду из дома,
Как обычно, удрученно-зареванная,
А ты мена ждешь при входе,
Берешь за руку, и мы уходим...

Гуляем, держимся за руки,
Влюблено-заботливо смотришь,
С мягкостью мамы глядя,
Все тревоги поцелуем отводишь.

Как раньше, сидим на лавке,
Спокойствию себя предавшие,
Не вставляешь в колеса палки,
Цинично не унижаешь. – Как раньше...

Когда-нибудь снова в кафе
Я твой шелк руки буду поглаживать,
И, после кино посмотрев,
Прогуляемся снова по набережной.

«Ты доехала? – Спросишь опять. —
Спасибо за вечер чудный!»
И счастливая лягу спать,
Зарываясь в подушку. Когда-нибудь...

Сокровище

Любовь моя все прощая, все принимающая, все отдающая, не собственническая.
Мне так было тяжело с кем-то делиться таким сокровищем, как ты!
Я всю жизнь одинока, а с тобой никогда не была.
Но отпустить значит лгать, а я не хочу лжи.

Я молюсь уйти от разрыва сердца,
Без тебя нет сил ни жить, ни умирать.
Да и не живу я, все время жду тебя,
На сером серая уставшая ждать.

Как бы я хотела тебя обнять!
Запутаться в волосах и встретить так старость,
А ты совсем не скучаешь по мне,
Отдалилась, и без меня тебе радостно.

А так бы ты со мною смеялась:
«Инка, ну совсем затискала, как ребенок!»
Только и под Рождество чудес не случается,
Даже если Принц приручил лисенка.

Ты выбрала любить свою старую кошку,
Встречать кого-то, чтоб быстро расстаться.
Я изначально была на подмене:
Никогда мне не стоило обижаться.

Я поздравлю тебя с Новым Годом

Засыпаю под Эми Уайнхаус
После фаланговой ампутации,
Тайно куря в туалете,
Антидепрессанты сдавая на пост аптечный,
В отделении хирургии,
Куда два года назад ты ко мне приходила...
Но уже не придешь больше.
И я думаю о тебе, сколько можно:
Во все перерывы свободные
От ампутационной боли,
От заглушающих тебя разговоров
Теток, любящих споры,
Шмотки, запои, обсуждать запоры...
Моя затмевающая убогость вечернюю,
Не думай, что я хоть день не думаю о тебе. Со временем
Моя любовь любыми проверяется расстояниями,
Любыми ургентными состояниями.
Не проходит. Скрепляется-
Крепится чудными воспоминаниями.
Я не пройду, обещаю,
Да ты сама это знаешь...
Я поздравлю тебя с Новым Годом.
Пусть он будет красивым по-новому.
Я пишу тебе из сердца-лучшее,
Искренне молясь, что желания твои сбудутся.
(И забыла: я на удачу до операции надела твое колечко. —
И операция прошла успешно).

В печали и радости

Фитотерапию бы нам, расставшимся,
Ароматные ванны, укрепляющие,
Чтобы близость вернуть тающую –
Уже вода.

Как я была не права,
Как ты была не права тоже,
Но зачем же мы так похожи?
До невозможности

Вынести нашу близость. —
Выдохни же. Дыши.
Я тебя жду всегда, я рядом,
Если понадобится.
В печали и радости.

Призываю

Если нельзя любить тебя,
То одиночество – единственный выбор.
Я верю, что если очень захочешь,
То можно и трижды войти в одну реку...
Израненным человеком, но можно.
А для нас – ничего сложного.
Мы вместе сильнее Атланта,
Могущественнее Минотавра,
Только тебе захотеть надо – вместе.
Вызываю, призываю тебя, как демона:
Отзовись, объявись – и переверни
Нечеткость, безликость, бесцветные звуки-ублюдки,
Которые окружают меня повседневно.
Я без тебя устала,
Ну когда же и ты без меня – тоже?
Без тебя скверно, серо, упаднически и невозможно.

Урывками

Ты как порывистый ветер:
Любишь урывками. —
Мне же так тяжело
Понимать отрывками.

Мне нужна целая ты.
То в восхищении,
То раздражаешься —
И от перемен таких вовсе не маешься.

Я, кажется, уже так настрадалась,
Что люблю тебя просто – любой.
Ну давай, может быть, чуть-чуть постаремся
И с порывами как-то справимся?

У любой истории близости
Есть завязка, развитие.
Кульминацию мы прошли,
Но финал не всегда очевиден ведь...

Ты так и не дошила мне обещанного зайца

Ты так и не дошила мне обещанного зайца...
Он остался без глазок.
А был ли вообще этот зайчик?
Мне кажется, нет, что мальчик...

О чем ты думала, когда шила лапки?
Как я обнимала тебя украдкой,
Пока заняты люди своими делами,
Впивалась в твой шелк руками?

А ушки, наверное, ты представляла,
Как я слушала тогда тебя в ресторане,
Не в силах отвести от тебя взгляда
Бесстыже-стыдливого разом?

И думаю, у зайки могли быть шортики:
Ты любила меня очень заботливо.
Жаль, что зрение у зайчонка отсутствует:
Зайка все слышит, но ничего не чувствует.

Прихожая

Выбирая цвет ковролина в прихожей,
Я пыталась найти на тебя похожий,
Чтобы сразу при входе в квартиру,
Ты встреча меня улыбкой,

О которой сама не подозреваешь,
Но любовью встречаешь.
Полки под стать твоим тонким линиям:
Безупречно красивые, по содержанию сильные.

И большое зеркало истеричное,
С которым у вас нет отличий.
К нему два пуфика ярко-красных,
Подвесная люстра играет оранжево.

И профиль красной женщины с носиком,
Вздернутым колким вопросом,
Довершает мою прихожую,
Так на тебя похожую.

Одна

На тебя не приклеишь этикетку. —
Ты, моя меткая!
Когда спрашивают: «Чем она Вас так взяла?
Что, такая особенная?» —

Такие вот онанистские вопросы
Не применимы вовсе.
«Особенная», «лучшая», «совершенная» —
Это ж смешно! (И не верно).

И не хороший ты человек,
И не расписная красавица,
Ты та, кого я люблю, — одна.
При любых обстоятельствах.

В кармане

Доверяй мне, как я доверяю тебе:
Ты же главное для меня на Земле!
Предавать унизительно мне тебя —
Я решила остаться одна.

Никого не впускаю ни в тело, ни в сердце.
Время проходит, ты ж безупречна.
Плевать на раны, ранки, разбитость,
Колкости, жесткости, рвущий цинизм.

Если я тебя встретила и полюбила,
Лишь для того, чтоб прибавить силы.
Читай, наедайся, езжай по странам,
Я же – всегда есть в твоём кармане.

И если захочется плакать, бывает,
Приходи, не звоня, – обниму печаль.
Не скучай по мне, никогда не тревожься:
Ты есть на свете – и это множество

Дней, любовью во тьме проносящихся,
Воспоминанием грусть освещающих.
Я всегда у тебя – ничего не бойся,
Даже если ты никогда не вернешься.

Стоит ли обижаться?

Давай пять минут полежим и не будем спорить:

Близость тел разрешает много вопросов.

Ну зачем же ты так серьезна?

Ссориться – глупость, нам не положенная.

Прижимайся сильнее и перестань превращать в баталию вечер,

Пусть мы не безупречны, но бесконечны.

Нам дарована радость двоих таинства —

Стоит ли обижаться?

Тоска по тебе разрывает связки

Тоска по тебе разрывает связки.
До безобразия
Мне не хватает тебя!
Знаю, ты влюблена
В очередного пассажира безусого...
И я не трушу —
Трублю, что люблю тебя.
Вопреки, несмотря.
Встреча с тобой дарована небесами,
Но то, что ты с жизнью своей вытворяешь,
Меня не касается:
Я же теперь чужая...
И просто тебя люблю,
Вопросов не задаю,
Ожидая ответ
В ужасе от очередного «нет».

Не дожидаться

Так я и не дождалась тебя в больнице.
Ну ничего, не видеться
В геометрической прогрессии —
Так для тебя, вероятно, уместнее.

Спокойнее, что меня больше нет.
И ты уже не ответишь,
Почему не поддержала в пекле,
Что на километре последнем.

Значит, уже я отжившее,
Ненужное, выкинутое, расшитое.
Проржавела та связь стальная,
Что нас связывала, я понимаю...

Я где-то отстала,
Расстроилась – расстрелялась.
И, заглушаясь,
Растаяла, не оставшись.

В больнице

Я лежу в больнице.
На одной не прооперированной ноге
Прыгаю до кулера с водой...
Вдруг вижу – ты! Неужели?

Сердце забилось, забарахталось,
Захотелось тебя обнять, убежать,
Скрыться, поцеловать...
Оказалось, проблемы у головы – спать.

Я написала и жду,
Но ты ничего не ответила.
Я уткнулась в подушку, реву,
Но в чудо придурушно верую.

Канун же Нового Года!
Случаться вещам неожиданно-ожидаемым!
Ну что остается мне, любящей? —
Не отчаянье, чудо славлю я!

«Девушка, ну что Вы плачете?
Возьмите, вот обезболивающее.
Ваша рана скоро затянется,
Кость срастется». – «Не от того все!»

Приезжай, обними меня, маленькую,
Напиши мне, скажи хоть слово.
Тебя у меня больше нет?
Нет! Я к этому не готова!

Чудо мое, приезжай!
Здесь умирающие восстают из мертвых!..
Но Чудо Феникса по сравнению с чудом появления тебя
Для меня остается обыденным и безмозглым...

Похожая на тебя

Увидела на улице женщину —
Просто твоя копия!
Такими же истеричными жестами
Поправляет нежные волосы...

Улыбнулась ей, и смущенно
Разглядывала ее тонкий профиль. —
Поняла, что, наверно, готова
Увидеть тебя вне боли,

Минуя уколы,
Споры,
Головоломки,
Постоянные спутники наших историй.

Улыбка сохранялась так долго...
Значит, я научилась спокойствию,
Значит, встретиться можно просто,
Испытывая наивысшее удовольствие.

Говорят, схожих с нами людей
В мире пять человек,
То есть целых пять раз я еще
Прожить могу наш адский бег.

Но знаем же – не соглашусь:
В сердце моем ты упрямо.
Зачем мне похожие на тебя?
Я верна только нашей драме.

Наши шансы

Мы во многом были неправы – забудь.
Давай прощать всех: и убийц, и насильников.
Никто ведь судить не имеет права,
Так ведь?

Я живу вопреки —
Смешно мне что-то советовать.
Черный мой просто любимый цвет,
Совсем не отсутствие света.

Потому что я тебя непреклонно люблю,
Люблю и с дырою в сердце.
Мужая, сумела терроризировать перестать:
Не дерьмо человек – есть шанс.

Про твои шансы я ничего не знаю,
Да они тебе, честно, не были никогда нужны.
У природы чувство юмора до предела заточенное,
Но разгадывать его надоедает с возрастом...

Не относись ко мне хорошо

Не относись ко мне хорошо.
Лучше – плохо.
Относиться хорошо – значит никак,
Бесчувственная дремота.

Если только – никак, никогда, ничто,
То вспоминай со злобой —
Упоминай меня всуе,
Когда приступает рвота,

Пусть тошнит и икается долго,
Болит голова при упоминании "Инна".
Лезвенно память стирай обо мне,
Раздражаясь, скажи: «Изыди!»

Только не относись ко мне хорошо.
Сплевывай, услышав имя такое же.
И, случайно свернув на наши места,
Почувствуй, умоляю, хоть что-нибудь.

Голос дорожке маминого

Тискать, тискать, тискать тебя
Под новогодней елкой
В белом вязаном бабушкой свитере,
Мой пушистый любимый лисенок!

Как грустный мишка, без твоего голоса:
Мне ж запретила писать – ели сдерживаюсь.
Прижавшись, согреть, и немножко вина
Улыбке твоей навстречу.

Накормить тебя пряниками глазированными,
Игриво целуя в носик и лобик,
В плече, как в коконе, – ты же сокровище!
Засмешить тебя до икоты!

Все подарки уже заждались, и в углу
Домовой все шуршит – непоседа.
Ренатолитвиновской огранки
Мы скучаем по твоему смеху!

Знаю, будет готовка – хлопотный день.
Но ведь стоит момент – бой курантов!
Ты хоть парочку слов накидай в телефон —
Самый лучший на свете подарок!

Если помнишь, конечно, что я есть у тебя...
Дед Мороз обещал годом ранее:
На следующий – чудо в двенадцать услышу:
Голос дорожке маминого.

Нам всегда было ясно

Ближе меня ты не встретишь,
Сама хорошо это знаешь.
Оттого обидно вдвойне,
Что так со мной поступаешь.
Но забудем.

Как ты там поживаешь?
Хорошо ли питаешься?
Нечем, кроме лжи, (ой, прости) не болеешь?
С кем теперь сочетаешься?

По-прежнему ходишь в гости?
Туда, где ты третьим поверенным?
По-прежнему любишь Бродского
Читать в одинокой постели?

Не скучаешь – знаешь, зря это,
Мы б смогли наворотить такого...
Даже больше, чем получилось.
Но, конечно, плана иного...

Хотя ладно, что не скучаешь:
Я уже как слилась с обоями.
В принципе, нам всегда было ясно,
Что правдиво лишь одиночество.

А не когда вас – двое.

Чудо

Не переживай, я справлюсь.
Когда человеку плохо,
Люди становятся для него очень хорошими,
Безобидными, помогающе-схожими.
Исчезает агрессия —
Показатель того, что в тебе еще есть ресурс.
Безресурсный и безрассудный,
Ты ищешь помощи из любых рук.
Как сказал какой-то писатель:
«Он настолько был одинок,
Что считал себя живым уже тогда,
Когда ему улыбался случайный прохожий,
И был этому рад до дрожи».
Мы с ним не то, чтобы схожи,
Так, где-то рядом.
Но у меня есть друзья – опора часто стальная,
И главное:
Я продержаться сумею на любовной верности,
Ставшей второй кожей, к тебе нежности,
Ожиданьем тебя, бесконечно-беспозвоночном,
Памятью любимых морщинок вечно молодой кожи.
С течением времени виновность действующих лиц неподсудна:
Непонятно, кто агнцем был, кто Иудой. —
У чувств свои законотворческие причуды,
И вопреки всему, любовь к тебе – это все-таки Чудо.

Узурпация надежды

Я узурпировала надежду —
Завоюю тебя упорством любви бесконечной,
До последней капли кипящей крови
Я сделаю все, чтоб ты была мною довольна!

Я не знаю, что дальше:
Ты уже мне не скажешь.
Ты просила создать тишину,
Что еще я могу?

Колечки мастей всех подарены,
Шмотки куплены – не понравились.
А бриллианты ты предпочитаешь —
После секса (читай не было).

Квартиру под тебя обставила:
Захочешь – пошлешь всех, стало быть.
А деньги ты не принимаешь:
Нравится, что зарабатываешь.

Стихам, что кричало «браво»,
Предпочла сериальчик канала
Развлекательного характера –
Ну так мне и надо ведь!

Нежность к черту мою послала,
Раздражаясь, разочаровалась.
Предпочла мужика, на скамейках целующего,
Плюшу моих игрушек.

(В сорок лет оно самое время
Целоваться то на скамейках). —
Не видать тебе больше бабушкиных
Рыбных вкусных оладышков...

Отвлеклась: я немного ревную,
Малохольная ж – психую.
Я, давно тишину лелея,
Забыла – нет права наглеть.

Я пыталась тут искреннее
Написать, как люблю тебя выпренне,
И забыла сказать – переехала.
Тишину, в общем, обеспечила...

В стране этой кормят неплохо.

Люди не то, чтоб все добрые,
Но смелее в улыбке, чем наши,
Не настолько, как мы, пропащие
(Загулявшие, озверевшие, жалящие).

И пока это все слагала,
Поняла, что тебя не знала. —
Надежду в хорошие руки,
Отдаю тебе... хорошему человеку.

Да, надежду я узурпировала,
Но сейчас шлю назад из трактирной:
Багажом придет к тебе к праздникам.
Решила: ты больше нуждаешься.

Не обняться, не поцеловаться —
Полная изоляция. Радуйся!
Я отдала тебе главное:
Любовь и надежду. (Оставляю лишь веру себе).

Мы не встретимся и не споемся,
Телефон поменяла – неслышима.
Создала тишину меня вакуумную.
И надеюсь, теперь ты рада.

Тонкие линии

Я сойду с ума, если тебя поцелую – честно.
Что такое поцеловать любимого человека, мне неизвестно,
Но я знаю, свихнусь, в общем...
Да я уже схожу от поцелуя любви – заочно!

Меня отделяют от наслаждения две тонкие линии.
Боже, какие красивые!
Маленькая вертихвостка, плутовка, чертовка,
Я одной ногой в Кащенко – точно!

Целовать тебя в носик и шею,
В охапку – наглея, смелее
Дотащить до постели. —
И прижавшись плечом, смотреть передачу вечернюю...

Я самая счастливая девчонка на свете!
Обнимаю свою кокетку,
Проказницу, своего лисенка,
И целую в линии тонкие.

Тоньше глубокой мысли,
Всех полотен изысканнее.
Теплее, роднее, красивее
Нет линий в природе. Учтиво

Я перед всеми твореньями Бога
Склоняю свою одуревшую голову,
Но перед губ твоих линией
Я падаю ниц – самой мощной стихией!

Прошлое

«А вдруг она никогда не вернется!?» —
Даже трубы плачут в моей квартире.
«Никогда тебе больше не улыбнется!» —
В форточку ветер насвистывает.

«Никогда тебя больше не поцелует!?» —
Балконная дверь со скрипом допрашивает.
И одинокий пружинный диван
Вторит двери: «А то ты не знаешь!?»...

«Никогда не обнимет!» – Грустят игрушки.
«И к груди не прижмет, хоть на немножко!» —
Ручка комода словно вещает,
И грустью согнулись у стола ножки.

«На плече ее больше не полежишь ты!» —
Квартиру сосед закрывает со стуком.
И горем вьется шкафа узор,
Как саван, белого дуба.

«Никогда ее руку больше не сжать!» —
Топят рисунок обоев.
И сердце, как раненый воробей,
Истерично: «Вас больше не двое!»

«Вас больше не двое», – все говорят.
И я начинаю догадываться:
Ты – мое прошлое и, видимо, мне
Одной из него возвращаться.

Береги силы

Когда сильно любишь, из тебя выют веревки.
Свободно.
Фривольно.
Иногда даже подло.

Перестают быть нервы канатами —
Ты превращаешься в тряпку,
В жалкое, в общем, создание,
Подобно цветку увядающему.

Уязвимый, сердце – хрустальная ваза.
Вот так влюбился – и сразу.
Любовь, что зараза.-
Сам себя дразнишь.

То ли ты унтерменш, то ли человек, поцелованный Богом,
Помазанный, словом,
Одна сплошная любовь. —
Слезы, кровь...

Но с возрастом ты очерстевать начинаешь,
Ко всему (и слезам с кровью, в том числе) привыкаешь,
Немножечко угасаешь. —
И в свои омертвевшие клетки уже никого не впускаешь.

Когда-нибудь, подобно тебе, и я, может быть, превращусь в телесность —
Люди только для секса.
Пользовательско-дающий такой интерес,
Открытость для всех. —

И нервы опять, как канаты.
Никого тебе больше не надо.
С тебя хватит.
И ладно.

Здоровые осуществляешь, как ты скажешь, инстинкты. —
Да ты вроде как и не один,
И вроде живешь полной жизнью,
Не боишься ударов в спину.

Не больно.
Спокойно.
Фривольно.
Иногда даже подло.

И когда уж на ниве любви отпашешь —

Можно и наслаждаться
Искусством,
Едой вкусной.
Ешь, молись – отлюбил.
Береги силы.

Не в моде

В мире, где каждый более одинок, чем предыдущий,
Нет смысла кого-то искать:
Расстанешься через год, через два, пять...
Звучит одна неизменная песня,
Всю жизнь, и неинтересная.
Поэтому я брожу одна по городу – честная,
Недовольная, но смиренная.
Какие бы не были времена, а песнь неизменна.
Отмирают сами собой связи старые —
Целые миры растворяются.
Новыми обрастаешь сначала.
И тут, становясь иными, старые воскресают...
А прежние умирают.
Круговорот людей в природе —
Саркастический выпад Бога.
Или не воскресают – не важно.
Ты, все равно одинокий,
Снова по городу бродишь...
Видимо, понимание
Изначально у жизни не в моде.

Мне нечего дать тебе

Ты полна жизни, а я безжизненна. —
Что я могу тебе дать?
Только любовь и нежность к тебе. —
Больше мне нечего отдавать.

Во мне нет жизни – одно желание:
Сберечь тебя, окружая заботой.
У тебя ж пациенты, друзья, любовники –
Совсем иные тревоги.

Я абсолютна пуста. К сожалению,
Я не могу подарить тебе радость.
Единственное, что могу предложить, —
Нелепость стихов и колечек разных.

Во мне нет звука – я, прости, вакуум,
И слова мои для тебя мало весят.
Потому то мне нечего дать тебе,
Потому здесь меня ничего не держит.

Хоть раз в неделю

Я храню тебе верность, как Орфей Эвридике,
И боюсь заклинаний Персефоны с Аидом.
Я мешу снег московский зимней подошвой,
Заскучать призывая по нашей похожести.

Не хочу, чтоб ты стала очередным прошлым,
Составлять из других когорту ложных.
Суки воют за окнами, словно чуют,
Что скоро еще одна к ним прибудет.

Я устала так жить, как будто мертвая,
Я жду, когда ты оглушишь перепонки.
Истерично, злобно, любовно – как раньше,
И снова весь мир оденешь в сарказм.

Что за мужчина взял трубку ночью?
Брат ли? Любовник? Не суть ведь, в общем.
Мы друг друга беречь на кресте обещали,
И мне от предательства больно. Печально,

Что никогда не вернуться в начало:
Адам сгрызет яблоко, что ему дали,
Иуда продаст за тридцать сребреников
Петр до петухов первых сдрейфит.

Но в отношениях виновны оба,
И я каждый день умоляю Бога:
Вернуть в мою в жизнь нежную и глубокую,
Игривую девочку, недотрогу.

И прошу тебя: прости меня, взбалмошную,
Несдержанную, плачущую, в тебе растворяющуюся,
Вечность не обнимавшую с расставания нашего,
И после – лишь видевшую ангелов падших.

И пусть ни в начало, ни в середину,
Но с тобой! Возвратиться из этого мира
В мир живущей надежды и детской веры,
Что мы есть друг у друга, хоть раз в неделю.

Хроническая болезнь

Алкоголики будут также геройствовать —
И попадать в Склифосовский,
В лучшем случае, как и суицидальники
Совершать попытки множественные.

То, что заложено,
Не вырезать – любимыми ножницами,
И в этой похожести обреченностью
Вселенская какая-то непреложность.

Как и любить тебя любовью раненного,
Хотя известно все было заранее.
Но пароксизмы любви, как выстрелы с одного шага, —
Точное попадание.

«Не надо, не надо, страдать!
Лучше все всем раздать!
Обрести свободу в желаний отсутствии!»
Какая же благодать,

Если я одиноким сиднем
Перестану присутствовать в мире?
Если лишить человека желаний,
Он умрет, кто бы он ни был.

Любовь – хроническая болезнь,
Не разлюбишь, не вылечишься инъекцией.
Хоть к гадалке ходи, хоть к монаху —
Неизлечимо биение сердца.

Так и живешь: когда чуть подлечиваешься,
Когда все надежды возлагаешь на печень.
Бог – любовь и, значит, основа —
И лечение бесконечно.

Наизнанку

Ты просыпала соль –
Ты теперь соло, я теперь соло.
Не дождется принца Ассоль,
Не забьется в ворота гол,

Не встанет утром рабочий,
Не дождется танцующий ночи,
И Раскольников, между прочим,
Забудет раскаяться Сонечкой,

Ребенок не получит подарков,
Не дождется любви куртизанка,
Не пропустят в ворота Каффку —
Мир вывернется наизнанку.

Молоко не прольется Аннушкой,
Пушкин доживет до старости,
Посторонний Камю станет радостным,
А лимоны наполнятся сладостью.

Не совершится прыжок,
Побежденный уже не рискнет,
И к любви уже не призовет
Вновь распятый Христос...

Ты просыпала соль —
Пути нет, где мы вдвоем.
Лишь ты причина того,
Что мир поменял лицо.

Если я умру

Если я умру – ты не заметишь,
Я теперь из таких невидимок: невидимее остальных.
А узнаешь – смерть облегчит без того от меня свободную память.
Не будет расходов и понятых.

Если я умру – не будешь плакать.
Кто оплакать мог, уже ушли.
(Да и истинное горе молчаливо:
Смерть слезами мерить не должны).

Если я умру – спокойно выдохнешь:
Значит, больше никогда не позвоню.
"Слава богу! Минус опасенье,
Что тревожить будешь поутру".

Если я умру – все будет также:
На работу ты, домой, в кино. —
Впрочем, ты уже меня похоронила.
Значит, что изменится? Ничто.

Ждать

Мы убили самое замечательное чувство на свете —
Мы инфантильны и глупы.
Я так хотела Вас избавить от быта,
Добавляя в жизнь красоты...

Придавала нежный лиловый оттенок
Всем Вашим фразам и театра – движениям.
На все пуговицы закрывала распаленное тело,
Страстью слова пытаюсь завоевать время.

Я одевалась в модные ткани,
Блестками красила ногти и голос,
Под цитат хоровод и умные мысли
Старалась глубже всех Вам запомниться.

На сакральной петле телефонного провода
Я висела – горела откровеньем ночным,
Сочиняла письма невинной интимности,
Чтобы ближе всех стать Вам отныне.

Как причину жизни Вас обнимала,
В страхе судорожном – вдруг меня оттолкнете —
Пропасть, развалится мир на две части,
Да он к черту перевернется!

Целовала Вам руки, в любви забывшись,
К серебру драгоценной волнующей пряди
Серебро покупала у ювелира. —
Я старалась дарить Вам радость.

К Вашей атласной молочной коже
Я атлас приносила под цветными бантиками.
Мне казалось, Вы очарованы мною,
Последним в Москве романтиком!

Вы мне улыбались, как Джоди Фостер,
Губами к моим губам прикасаясь.
Я думала, Бог адресатом ошибся. –
Не заслужила я Вас!

Вечера после фильмов, запивавшихся кофе,
Мы провожали по улочкам сказочным,
Я держала Вас за руку – впервые в жизни
Понимала, в ком мое счастье!

Я обожаю Ваши морщинки –

Прикоснуться губами бы к краюшку глаза...
Вы красивее всех созданий на свете
И дороже любых алмазов!

Все скамейки запомнила, где я прильнула
К плечу, как у мамы, только теплее —
И теперь этот город мною помечен
Точками нашего времени.

Я надеюсь, у Вас все спокойно и тихо,
И Вы тоже нашли настоящее счастье.
И пускай больше нам в этой жизни не встретиться...
Я после – Вас ждать буду также.

Ангел-хранитель

Я родилась, чтобы любить тебя,
Быть тебе нужной, оберегать.
Мама сказала бы: «Ты себя оскорбляешь».
Но это не так!

Ты старше, мудрее,
И лучше меня понимаешь,
Как я в невесомое, мощное, тем не менее,
Чувство любви превращаюсь.

Хочется о тебе позаботиться,
Хотя бы приготовить тебе вкусный ужин,
Подоткнуть шарфик за ворот,
Внимательно тебя слушать.

Но ты так привыкла к самостоятельности,
Что убедилась в ненужности никого понимающего,
Даже понимание себя тебе чуждо —
Ничего откровенно-пугающего.

Ты соприкасаешься рукавами с людьми,
И глубже связи тебя не прельщают,
А мне необходимо быть ближе к тебе:
Разбиваюсь, но снова стараюсь.

Любовь должна побеждать – как в кино!
Сколько можно в несправедливость то верить!?
Я скучаю по тебе сильнее, чем по маме —
И моему чувству можешь довериться.

Когда представляю: обо мне думаешь! —
Проходит тоска, исчезает бессонница.
Что еще сделать, чтоб рядом со мною
И ты была бы довольна?

Не хочу я болью платить за стихи,
Тем более такие негладкие.
Я родилась заботиться о тебе,
И я знаю, что в этом – главное.

Детское сердце

Всю ночь проплакала:
Так хотелось тебя обнимать. —
Бывают и такие ведь отношения,
Воздушно-кремовые.

Главное – не безличностные.
Да, я выросла,
Но сердце то осталось детским. —
Бояться тебе совсем нечего.

Разве что истерик маленьких:
Я немножко ревную к твоим поклонникам.
Их так много! —
И я совсем крошечная на их фоне.

Наше поколение подсело —
Кто на таблетки, кто на амбиции,
Я же – на любви одной.
И держа в руке телефон,

Я все жду раздастся звонок...
Но ты захотела забыть —
Удаляешь меня из памяти,
И телефон забывает поздравить.

Невыносимы итак праздники,
А теперь вечно даты заплаканы.
Как в мультике, тебя если нет —
То и меня тоже нет.

Прыгнула бы ко мне в кроватку,
Скомандовала: «Давай подвинься!» —
И мы бы весь вечер, обнявшись,
Смотрели кино, согревались.

Была бы ты рядом —
Я б справилась.
А так сердце все разрывается,
И скоро его не останется...

Одинокая

Мне все равно, что делать и куда идти,
Я тихо починаю свой примус, стараясь никому не мешать,
Я дефектная, я ущербная.
Можете – прощайте, нет – буду я прощать.

Во мне не звучит музыка,
Я только выскребаю из себя подобие стихов.
Я не могу путешествовать,
Потому что в этом городе живет моя любовь.

Я оседлая, не перелетная.
И любовь моя равно, что смерть.
Я пропахла слезами, отчаянием,
Непригодна и чтоб умереть.

Ничего стереть не получится:
Пробовала уже не раз.
Я выродок любви неудавшейся,
Я даже не про запас.

Я жру холодные макароны:
Мне наплевать на еду и кров.
Говорят, если я смертоносна,
То это не про любовь.

Но любовь на слова не раскладывается,
Ее видов равно, что людей.
И к советам если прислушиваться,
То заревываться до соплей.

Да, бывают и просветления...
Но они не ярче кво-статуса,
Вспышка, когда люблю меньше,
Но выходит – так только кажется.

Ты сама виновата, что больно:
В отношениях наших – двое,
Не от меня ты легко открестилась,
От единственной своей правды – боли.

Там, где больно, там еще есть мы.
Пожелание в лоб мне счастья
И объятия скорым движением —
Что прощание, навсегда ведь!

В темноте, в тишине, вечно ждущая,

Сигарет километры скурившая,
Слабовольная, слабоумная,
Становлюсь пустой, обнулившейся.

Просто жду тебя, беря на понт веру,
И молюсь на церковном полу:
Не должны – Аве! – близкие люди
Развеваться по ветру!

Но молитвы мои не услышаны —
Не страдаю дрожащей рукой,
Принимаю твое отсутствие
За обязанность быть одной.

До конца

Ты – и мое счастье, и моя мечта.
А когда человек становится мечтою —
Это очень опасно...
Да все мне давно ясно!
Что ты прекрасна, но не для меня.

И не спасает тот факт,
Что мудрецы говорят,
Истинная мечта должна быть недостижима,
Но я ж не непобедима.

Я просто хочу быть с тобою,
Не драться, чтоб не стать героем:
Не дожидаться награждения радости
(Хоть бы самая смелая, тебе я без надобности).

Без надобности, в опасности,
Боец фронта, где оружие – ласка.
И порою ты так далека, равно мертвая —
Для кого я вообще геройствую?

И хожу по Земле невидимая,
Растворяясь в своих обидах,
Ни событий, ни дат не помня,
И мечта все больше, что бойня.

И все мне – да! – давно ясно,
Ты прекрасна, но не для меня.
Но я бьюсь за тебя до конца.
До слез, до крови,
До того, когда протрубят финал.

В минус

Однажды обняла тебя – и остался синяк,
Ну а как же иначе мне обнимать!?! —
Сильнее прижаться и не отпускать,
В твою мягкость зарываясь все глубже.

«Если так дело и дальше пойдет,
Представь, что подумает любимый кот?
От ревности, бедный, с ума он сойдет?
Люби меня чуточку меньше».

Но я обнимаю с зацепом: промозгло,
Вдруг где продует – и ты замерзнешь.
Постарайся относиться к делу серьезно —
Объятий не разжимай.

Как можно просить любить то поменьше?
Особенно когда за окном дождь хлещет,
И холода приближаются вечные. —
Обнимаю и жмусь поплотней.

Ты недовольно ворчишь, огрызаешься,
Но тоже ко мне сильней прижимаешься,
Улыбаешься в шарф, что значит, нравится —
Вот и хватит кокетничать в минус!

Колыбельная

Буду целовать тебя, не останавливаясь,
Пока мозоли не натру,
Столько, сколько смогу —
Всю.

Только не плачь!
Пусть у кошки болит, у собачки болит,
А у моей девочки все пройдет, заживет.
Спи.

Буду гладить тебя,
Пока все нервы спать не уложатся.
Пока не решу все проблемы твои
Множественные,
Пока ты не успокоишься.
Спи.

А когда ты начнешь зевать,
Обниму сильнее, от бок и плохих людей
В любовь одеялом закутаю.
Засыпай поскорее.

Потихонечку

Я тебя люблю потихонечку,
Приглушенно стараюсь,
Изо всех своих сил —
Лишь бы я не мешалась.

Не отвлекать тебя от насущных забот,
Не спрашивать о приключениях любовных.
У тебя на меня не остается времени —
И мне приходится быть максимально спокойной,

До предела удобной,
Как ты и хотела.
Ты так много кричала о любви к свободе,
Что выбрала быть одинокой

С очередными случайно знакомыми,
Из которых каждый второй – идиот,
Как ты говорила сама.
Значит, так надо. Признать,

Ты выбираешь полегче пути,
Хоть и легкостью обзываешь мертвенность ткани —
Каждому своя правда, правда по силе.
Я ж рядом всегда и не жду перемирия.

Мученик от любви

Любить неприкрытой любовью –
Надо быть смельчаком или идиотом.
В моем случае это одно и то же.
И мнений расхожих быть просто не может.

Но и чем мне ее прикрывать?
Если она из меня фонтаном яремной вены.
Чем ее крыть? Крыть просто нечем.
И самое главное – это не лечится.

Как говорят мудрейшие люди,
Что имеем – не храним, потеряв – заплачем.
Ты ж никак – хоть тресни – не потеряешься:
В голове и сердце спрячешься.

Любовь не проходит:
А трансформируется до Абсолюта,
Все превращается в любовь.
Опять же в глаз, а не в бровь,

Как сказал Бродский,
Любовь становится больше самого человека,
Как красота переживает столетия —
А ты еще и красивее всех на свете.

Черт! То ли мне повезло
Стать больше любви, тебе – красотой,
То ли замысел Божий – искупить мне грехи,
Ведь я не с тобою, а ты?

Не знаю, где ты – сдаюсь иногда:
Молюсь, чтоб вечной любви не бывало.
Но а если моей и правда нет смерти?
Прекрасное чувство, но лучше убейте.

Ну какой из меня мученик от любви?
Я уже исстрадалась и скорее замучила всех.
Не могу я тихо с любовным ходить крестом –
Мне нужно за ручку в кино – и домой.

Верность

В верности Вам заключается
И мое горе, и моя бессмысленность.
Отсюда бродяжничество в переулках памяти
Раненной.

Как сказал Бродский,
Верность только тогда становится верностью,
Когда она не плод разума, но инстинкт или идиосинкразия
(И кстати, в книжке, Вами любимой).

Мало того, что я воображаемо засыпаю с Вами,
Мысли о Вас и ночью не отпускают:
То бьете в грудь, то ласковым словом баюкаете –
И боязно с Вами, и сладко-уютно.

Эти вечные диалоги с Вами
Бессонными замученными ночами
Становятся амулетом от жизни реальной.
И правда,

Какая разница, в какой пребывать мне реальности,
Хотя... Вы есть в моей – и она точно стоящее той,
В которой себя приходится предьявлять, той,
В которую я б ни ногой,

Но дела... исключительно, чтоб в случае чуда,
Вы бы пришли в квартиру, обставленную по-новому,
А мне... я на полу засыпала полгода
(И была равнодушно довольна).

И единственный выход, кажется,
Это вмешательство хирургии в мой мозг,
Из этой циркуляции: память – квартира – кровать.
Чтобы нечем уже вспоминать.

Но не лечится верность любви,
Хоть Ваше безразличие убило уже, равно, что веру.
А впрочем... если верности не останется – не останется ничего.
Пустота и ничто.

Лучше, хоть страшна и бессмысленность,
Но бороздить Вам в переулках воспаленной памяти,
Кровать – квартира – память – циркуляция. –
Да, суть всегда – возвращаться.

Чудо

Мне настолько на себя плевать,
Что оставьте меня умирать в снегах —
Не замечу.

Если будете Вы в меня стрелять
Или иначе как убивать —
Не замечу.

Если скажите, любите Вы меня,
Как было назад года так два —
Не услышу.

И когда сама нажму на курок,
Приставляя его прямо в висок —
Не услышу.

Если напишите мне: «Прости,
Было глупо тебя оставлять». – Увы,
Не поверю.

Если Вы поцелуете, как в тот раз,
Когда жизнь надеждой возложила на Вас —
Не поверю.

Если чудо случится – и есть любовь,
А не то, что сворачивает в жилах кровь —
Не воскресну.

Чудо прекрасно в зимнюю ночь,
Когда никто не может помочь —
Но не бывает чудес.

Кому от этого лучше?

Я с тобою не знаю, как жить,
А без тебя – тем более.
Постоянно очищаю себя от всяких причин и следствий.
Но бесполезно.
Без тебя – тем более...
Боль, боль, боль... –
Никак не привыкну.
И прошу у Господа помочь мне не сдаться,
Хотя я сдавалась уже не раз. – Уже ничего не изменишь. –
И, перепаханной тобой, но остаться.
Больше не поглощать тебя ведрами,
Как не пить по утрам кофе половниками
После ночи бессонной,
Где мыслями я брожу в тебе, утопая.
Я знаю – воздастся,
На несчастья замок не строится.
Дал надежду – держи ответственность. Сторицей
Возвращаются к нам страдания тех, кого мы угробили,
Уязвимых, на кого мы срывались,
Влюбленных по глупости – в нас,
По неосторожности,
И все же...
Ничего не меняется, даже когда случается равновесие.
Кому от этого лучше?
И любящему уже все равно, что любимому стало хуже.

Заранее

Под конец тебе будет плевать на секс,
А захочется понимания.
Ты спросишь тогда: «Где его взять?»
Но будут гудки и молчание.

Кто тебя создает, тот тебя убивает. —
И чем дальше, тем тебя меньше.
И как чучело Масленицы по весне,
Я сжигаю тебя поспешно.

И хотя меня одолевает страх,
Что кто-то оставит тебе себя ночью,
Я утешаюсь, что часто и в браке
Не покидает людей одиночество.

И еще я знаю, что хороши
Люди бывают до поры, до времени...
Счастливыми я не встречала умных,
И боюсь, ты из этого племени...

Но я все ж желаю побольше тепла
И побольше тебе понимания. —
Да ладно, и мне разок можно солгать!
С праздником! Счастья! Заранее.

Романтика

Я придумаю тебе романтику...
Повяжу мечте красные бантики,
И буду дразнить до рассвета
В ожидании томного лета.

Испеку что-то там под шафраном,
Призывая судьбу, как шаманы,
Шахерезадой сложу километры
Обещаний, с надеждой поветрием.

Накачаю артхаусных мыслей
И билетами в театр их спрысну.
Буду в дни твои феей впархивать –
Через силу обеих радовать.

Накуплю плиссированных юбочек
И стану плясать под дудочку:
По утрам провожая к любовнику —
Зашнуровываясь, бегать в терновники.

Не скажу о болезнях и страхах,
Награждая тебя, как предвзятых,
Погружу в свою бесконечность,
Где любовь к твоей лжи будет вечной.

Неправда!

Неправда! Была я серьезна,
Не мерила нас сообщениями.
Не заигрывала, не навязывала –
Обнажала правду намерений.

Извини, если где-то нажала,
Оскорбила и не поняла,
Всей набитой потерями мудростью
Не хватило не ранить тебя.

Мне по-прежнему интересны
Твои мысли и сонм увлечений,
Не грустишь ли там, не болеешь,
Не бравируешь ли самолечением.

Все могло быть совсем иначе:
Чутко, нежно, красиво, как в фильмах...
Завоевывать просто устала я,
Ты ж услышать меня не в силах.

Минуты

Перестань уже строить стену
Из молчания и непонимания,
Культивировать профессиональное,
Прикрываясь своим псевдознанием!

Делать ставку на возраст и статус,
Одевать свитера – все под горло!
И сидеть предо мной, скрестив ноги,
Представляя, что мы чуть знакомы.

Приближаясь, ты неровно дышишь,
Отступая в свою биографию.
Ну зачем ты наглеешь ложью,
Сочиняя для нас эпитафию?

Формы, правила давай откинем,
Исключая нелепость вопросов,
Возвратимся в былую близость,
Не цепляясь за сладость доносов.

Мы же дышим одним тесным воздухом,
Без свидетелей и без прислуги.
Ты не думай, что жить нам вечно,
Нам с тобой остаются минуты...

Про любовь

У меня душа разрывается,
Или как там ее называют?
Задыхаюсь, вибрируют нервы...
Люди-скрепки бодро читают

О морали и быте лекции,
О маршруте на завтра, досуге.
Чертишь карту без пробок проезда,
Я ж не в силах помыть даже руки.

Психиатр советует выпить
От депрессии, от невроза,
Одобряя кивает психолог,
Равнодушный к любым вопросам.

Дети ждут от меня подарков,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.